

Соб. Россия. — 1992. — 6 окт.

В годовщину смерти И. Талькова

«ВОСКРЕСНУ И СПОЮ...»

На Ваганьковском уже опадают листья, они ложатся на землю, устилая тропинки разноцветным ковром и смешиваясь с морем цветов, которых в эти дни на одной из могил особен-

но много. На улице октябрь, и вот уже ровно год, как прозвучал в Санкт-Петербурге роковой выстрел, оборвавший жизнь русского певца, композитора и поэта Игоря Талькова.

ный, красноречивый рассказ Шляфмана о случившемся в «Комсомолке» и понимал — этот человек вовсе не выглядит испуганным, он не похож на невольного убийцу, с дрожью ожидающего, что все вот-вот раскроется и его отдадут под суд. Нет, то было запланированное, хорошо продуманное убийство, а затем такой же запланированный побег в Израиль...

Следствие не могло не подозревать Шляфмана в убийстве и тем не менее позволило ему уехать, зато, например, издатель «Русского воскресения» А. Ватогову, которому инкриминируется печально известная 74-я, мерой пресечения избрали тюрьму. Вот уж, поистине, служебное рвение!

Но как же на самом деле все происходило тогда, за кулисами, в «Юбилейной»? Вот как об этом рассказали в прокуратуре.

Телохранитель Азизы Игорь Малахов, чтобы не мешать Талькову, который готовился к выходу в гримерной, попросил Шляфмана передать певцу просьбу Азизы помянуться с ней очередностью выступления, Шляфман, который прекрасно знал вспыльчивый и горячий нрав Талькова, передал эту просьбу, как приказ-угрозу. Разъяренный Тальков схватил газовый пистолет и выскочил наружу. Крик Шляфмана «Он достал пушку!» предназначался не Талькову, а Малахову в расчете на то, что тот, не разобравшись, что за «пушка» у Талькова, достанет свою. Именно так и произошло. В ответ на несколько выстрелов из газового пистолета Талькова Малахов выстрелил в пол, но был ментально сбит с ног телохранителями Талькова. С заломленными руками он лежал, прижатый лицом к полу (выстрел в Талькова, кстати, был произведен сверху вниз, чего Малахов — и это с самого начала было ясно — сделать не мог). Это мог сделать только Шляфман. Он подобрал выроненный пистолет и выстрелил в Талькова. В спину...

...На Ваганьковском сейчас падают листья, умирает первое лето без Игоря Талькова. Зато жива людская память о нем, и море цветов на его могиле — лучшее тому доказательство. А над этим живым, пестрым морем плывет голос певца: «Я воскресну и спою, пусть даже через сто веков, в стране не дураков, а гениев...».

Д. ГЕРАСИМОВ.

Прошел ровно год, а девять месяцев понадобилось следствию по этому делу, чтобы «родить» наконец правильную версию. Целых девять месяцев.

Но вернемся на год назад, в те горькие дни.

«Страна, где каждый день кого-то убивают. И каждую ночь... Вот Талькова убили. Пора бы привыкнуть. Но рыдают толпы фанатов.

Вот этот господин в черных очках, как говорят присутствовавшие, Талькова убил. Обнаружил, что Тальков его не уважает. Ну и убил. Тальков пел песни, пил водку, во хмелю становился бешен. Говорят, когда господин в черных очках потребовал к себе уважения, Тальков тоже был бешен, говорят, он вообще часто... Все-все-все. О мертвых только хорошее».

Эта цитата из прошлогоднего «Огонька» не случайно столь пространна. Опустив из внимания ее гаденький тон, нетрудно заметить, что автор не просто настаивает на авторстве убийства (имелся в виду И. Малахов), но и преподносит читателю причину этого убийства (ну, напились, дескать, да и постреляли друг в друга).

Что это: вопиющая журналистская небрежность или намеренное морочение читательских голов? Дело в том, что уже в те октябрьские дни и друзья, и коллеги Талькова, и его родной брат Владимир, и, смею думать, далеко не глупые следователи, — и по этим причинам — автор приведенной цитаты (если он действительно беседовал с присутствовавшими)... знали, кто на самом деле убил Талькова. Знали, но молчали. А то — еще хуже — куражились на страницах собственных изданий над человеческим горем и страданиями.

Фамилию Шляфман я услышал тогда же, в день похорон, в переполненном зале Дома молодежи.

Игорь Тальков был одним из первых, кто бросил вызов мафии шоу-бизнеса. Он бросил вызов русофобии и круговой поруке эстрадных площадок, потому что не мог спокойно видеть, как молодые таланты затираются бездарной и бесцветной музыкальной мишурой, как яркие и глубокие песни вытес-

няются на сцене «штамповками западного образца». Тальков написал об этом серию статей, часть которых была опубликована в «Литературной России», а часть бесследно пропала.

Даже теперь, когда официально объявлено, что убийца не кто иной, как коммерческий директор Талькова Валерий Шляфман, никто — ни следователи, ни журналисты — не ответил на главный вопрос: за что?

Помню, когда собкор нашей газеты передал из Санкт-Петербурга подробности случившегося, в материале упоминались пикетчики возле «Юбилейной» с плакатами: «Талькова убил «Бнай Брит!» Тогда эта подробность казалась странной: при чем здесь «Бнай Брит» — сионистская организация, когда вроде бы выяснено, что убийца — Малахов, да к тому же невольный? Те же, кто догадывался, помалкивали.

Время шло, расследование

тянулось, и складывалось впечатление, что следствие выжидает. В те дни один из сотрудников тогда уже почти расформированного КГБ, устав от моей надоедливости, кивнул на диктофон, и когда пленка остановилась, молвил негромко: «Не Малахов убил, конечно...».

— Так, значит, правда? — вырвалось у меня. Мой собеседник ничего не ответил. А сегодня выяснилось — правда.

Тогда это казалось непостижимым. Я вспоминал последнее интервью с Тальковым, сделанное Ленинградским телевидением: русский певец соединил по-братски натальный православный крестик с могиновидом Шляфмана. Тот улыбался лунчезарно.

«Откуда в людях такое вероломство?» — спрашивал я себя, вспоминая эти последние прижизненные кадры с Тальковым, и не мог отве-

Потом я читал спо...